

УДК 343

DOI 10.17150/1996-7756.2015.9(4).724-733

ПРИНЦИПЫ ГУМАНИЗМА И СПРАВЕДЛИВОСТИ В СВЕТЕ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА РЕЦИДИВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

К.В. Дядюн

*Владивостокский филиал Российской таможенной академии,
г. Владивосток, Российская Федерация*

Информация о статье

Дата поступления

20 октября 2014 г.

Дата принятия в печать

8 декабря 2015 г.

Дата онлайн-размещения

28 декабря 2015 г.

Ключевые слова

Принцип гуманизма; принцип справедливости; рецидив преступлений; назначение наказания; дифференциация наказания; индивидуализация ответственности

Аннотация. Статья посвящена анализу соотношения норм, регламентирующих ответственность за рецидив преступлений, и основополагающих принципов уголовного закона. Автор рассматривает сущностные характеристики принципов гуманизма, справедливости и их воплощение при определении рецидива преступлений и назначении наказания за него. Также исследуется целесообразность дифференциации и индивидуализации ответственности, необходимость применения ресоциализирующих методик и опыта зарубежных стран в рассматриваемом вопросе. Актуальность данной темы обусловлена негативными показателями рецидивной преступности в РФ и потребностью в выработке подходов к нивелированию/минимизации указанных факторов в соответствии с ключевыми категориями уголовного законодательства.

Автор проанализировал законодательный подход в области определения рецидива преступлений, правил назначения наказания при наличии признаков рецидива. Кроме того, были исследованы практические аспекты реализации соответствующих положений уголовного закона в ракурсе принципов равенства, гуманизма и справедливости. Также в статье рассмотрены уголовно-исполнительные аспекты, касающиеся исследуемой темы: распределение осужденных рецидивистов по исправительным учреждениям, установленные правила учета особенностей лиц, совместно отбывающих наказание в виде лишения свободы. Проанализирована возможность и полнота реализации требований основополагающих уголовно-правовых принципов при исполнении наказания в отношении лиц, повторно совершивших преступные деяния, и впервые осужденных. В результате автором обосновывается вывод о несовершенстве действующего подхода УК РФ к определению признаков рецидива и регламентации правил назначения наказания за него. Подчеркивается необходимость индивидуализированного подхода к назначению наказания на основе принципа дифференциации ответственности; закрепления положений, обуславливающих ужесточение ответственности в зависимости от вида рецидива. Также обосновывается важность и значимость мер ресоциализации осужденных как фактора предупреждения рецидивной преступности и противодействия ей на основе проведенного теоретического исследования, социологического опроса и анализа опыта зарубежных стран. Все исследуемые вопросы рассмотрены через призму требований основополагающих уголовно-правовых принципов; полученные выводы и рекомендации обусловлены их содержанием и направлены на эффективную реализацию установленных требований, назначение справедливого наказания и борьбу с рецидивной преступностью.

PRINCIPLES OF HUMANISM AND JUSTICE IN THE APPOINTMENT OF PUNISHMENT FOR REPEAT OFFENSES

Kristina V. Dyadyun

Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy, Vladivostok, the Russian Federation

Article info

Received

2014, October 20

Accepted

2015, December 8

Abstract. The paper analyzes the correlation of norms stipulating liability for repeat crimes and the basic principles of criminal law. The author examines the essence of the principles of humanism and justice as well as their application when deciding if an offense is a repeat one and awarding punishment for it. The author also studies the advisability of differentiating and individualizing liability, the necessity of using re-socialization methods and international experience in this sphere. The issue is rendered

Available online
2015, December 28

Keywords

Principle of humanism; principle of justice; repeat crimes; appointment of punishment; differentiation of punishment; individualization of liability

topical by negative trends of repeat crime indices in the Russian Federation and the necessity to use key categories of criminal law to work out approaches to reducing/minimizing the impact of the above-mentioned factors.

The author has analyzed the legislative approach to determining if a crime is a repeat one and the rules of awarding punishment in the presence of repeat offense attributes. Besides, the research studied some practical aspects of applying the corresponding clauses of criminal law from the standpoint of the principles of equality, humanism and justice. The paper also examines penal-executive issues connected with the topic under discussion: the allocation of convicted repeat offenders to penitentiary institutions, the existing rules of handing specific characteristics of incarcerated persons. The author has analyzed if and how the basic criminal law principles are observed when punishing repeat offenders as well as those sentenced for the first time. As a result, the author points out some flaws in the approach used in the Criminal Code of the Russian Federation to identify the attributes of a repeat offense and to regulate the rules of awarding punishment for it. The author also stresses that it is necessary to use an individual approach to awarding punishment based on the differentiation of liability principle; to introduce clauses stipulating stricter liability depending on the type of repeat offense. The paper also proves the necessity and importance of criminals' re-socialization as the conducted theoretical research, sociological survey and the analysis of international experience all indicate that is an important factor of preventing and counteracting repeat offending. All the problem issues are researched from the standpoint of basic criminal law principles; the conclusions and recommendations are based on them and aimed at the efficient fulfillment of established requirements, allocation of a fair punishment and counteraction to repeat crime.

Количественные и качественные показатели рецидивной преступности в РФ характеризуются негативными тенденциями. Так, в 2012–2014 гг. существенно возросло число ранее судимых лиц, вновь совершивших преступления (более 300 тыс. чел. в год), в сравнении с показателями 1990-х гг. При этом новые преступные деяния рецидивистов относятся к категории тяжких и особо тяжких¹. Соответственно, особую актуальность приобретают вопросы противодействия данному виду преступности. В то же время обоснованность, справедливость и целесообразность конкретных мер необходимо увязывать с основополагающими категориями уголовного закона, к которым, в частности, относятся принципы равенства, гуманизма и справедливости. Представленная работа посвящена анализу соотношения законодательного и правоприменительного подходов к институту рецидива и реализации требований принципов уголовного закона. В целях иллюстрации общественного мнения по рассмотренным вопросам было проведено анкетирование 120 чел. с разбивкой на три категории: обычные граждане, студенты юридических вузов, сотрудники правоохранительных органов (по 40 чел. в каждой группе).

Результатом совершенного преступления является нарушение законных интересов по-

терпевшего, которое выражается в ограничении или лишении его прав и свобод. Иными словами, потерпевший по воле преступника ставится в условия принуждения. Поэтому принуждение потерпевшего по воле преступника и принуждение преступника по воле государства должны обладать по возможности равным объемом. Так, И.Я. Фойницкий утверждал, что «существо справедливости состоит в причинении одному человеку точно того же, что он причинил другому; дело юстиции должно покрывать дело обиды и быть математически соразмерно с ним» [1, с. 12]. В свете изложенного весьма убедителен вывод И.М. Рагимова о том, что «идея возмездия не есть идея талиона, формального, качественного или только количественного равенства. Она не есть месть, которая характеризуется грубостью, инстинктивностью, безмерной и бессмысленной реакцией потерпевшего. Она не есть и удовлетворение последнего, заглаживание вреда, не есть вместе с тем и нераспознаваемое человеческим глазом моральное возмездие. Она есть идея о том, что преступление как нарушение общественного порядка должно в жизни вызывать к себе отношение, соответствующее его отрицательной оценке. Вот в этом смысле возмездие и кара — синонимы» [2, с. 24]. Соответственно, отрицать данный факт означает отрицать карательную функцию уголовного закона.

¹ Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. URL: www.gks.ru.

Причем отрицательная оценка преступления, с позиции принципа справедливости, должна учитывать не только характеристики преступного деяния, но и особенности личности виновного. Возможность суда учитывать прежние осуждения как обстоятельства, характеризующие личность преступника, является способом выхода из данной ситуации, при помощи которого идеи справедливого отношения к преступной деятельности лица органично увязываются с принципом соразмерности ответственности совершенному деянию. Однако следует еще раз отметить, что не только факт прежней судимости учитывается при характеристике личности виновного. Рецидивисты, как правило, не способны объективно оценить свое поведение, и потому среди них бытует представление о том, что, назначая более суровые наказания, государство мстит им за прошлую преступную деятельность, что, разумеется, действительности не соответствует. Более того, если рассматривать принципы уголовного законодательства, в частности принцип гуманизма, с позиции рецидивистов, да и вообще преступников, практически любое наказание является негуманным и несправедливым. Однако необходимо учитывать, что гуманизм включает в себя не только гуманное, объективно гуманное, отношение к преступнику, но и гуманное отношение к потерпевшему, и охрану гуманистических ценностей общества и государства, а значит, при назначении наказания нужно исходить из совокупности всех составляющих элементов принципа гуманизма, ибо неучет какого-либо из указанных моментов уже будет являться нарушением данного принципа. Примечательно, что большинство опрошенных (77 %) считают ужесточение наказания за рецидив справедливым, соответствующим в общем и целом принципам гуманизма и справедливости, способствующим исправлению преступника и снижению уровня рецидивной преступности. Следует отметить, что указанная позиция практически не варьировалась в зависимости от пола, возраста и статуса опрошенных. Более того, 11 % респондентов указали на необходимость ужесточения наказания для лиц, повторно совершивших преступление. Также 52 % респондентов (из которых 21 % — сотрудники правоохранительных органов, 16 % — студенты юридических вузов) отметили, что угроза более жесткого наказания за рецидив может

способствовать снижению уровня рецидивной преступности. Еще 19 % работников правоохранительной системы подчеркнули значимость суровости наказания в указанном аспекте.

Кроме того, проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что нарушение принципов гуманизма и справедливости в отношении института рецидива чаще всего проявляется как раз не в отношении рецидивистов. Так, нарушение и уравнивающего, и распределяющего аспекта справедливости можно выявить при анализе положений об определении рецидива преступлений, когда одинаково (или даже более положительно) характеризующиеся лица ставятся в неравные условия, зачастую необоснованно ужесточенные в отношении лиц (с учетом их характеристик), заслуживающих обратного. Данная ситуация возникает из-за введения условия о неучете судимостей за неумышленные преступления небольшой тяжести, которое приводит к тому, что два лица, совершивших одинаковые по тяжести преступления, но в разной последовательности, подлежат различному наказанию, при этом лицо, второе преступление которого по тяжести превышает первое (небольшой тяжести), находится в преимущественном положении по сравнению с лицом, находящимся в обратной ситуации. Таким образом, криминализация лица в сторону уменьшения его общественной опасности является в некоторых случаях определяющей для признания простого рецидива, обратная ситуация при этом вообще не образует признаков рецидива. Это не только парадоксально и нелогично, но и в корне не соответствует принципу справедливости, т.е. степень общественной опасности деяния и личность виновного в данной ситуации учету фактически не подлежат.

Также представляется, что нет оснований не признавать рецидивом неоднократное нарушение уголовного закона лицом, в отношении которого условное осуждение отменено по негативным причинам, независимо от конкретного вида наказания, которое лицо вынуждено в связи с этим отбывать реально. Например, С. и М., осужденные к лишению свободы условно, в период испытательного срока совершили преступление, предусмотренное пп. «б», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ (т.е. относящееся к категории особо тяжких). При вынесении приговора суд учел как отягчающее обстоятельство рецидив пре-

ступлений. Однако Военная коллегия исключила из судебного решения указанноеотягчающее обстоятельство на основании требования п. «в» ч. 4 ст. 18 УК РФ¹. В данном случае указанные лица не только не оправдали оказанного доверия и не встали на путь исправления, напротив, их общественная опасность возросла, а значит, излишний либерализм в подобных случаях вряд ли можно считать соответствующим требованиям принципов справедливости и гуманизма.

Примечательно также, что определяющий термин «реальное лишение свободы», кроме ст. 18, не используется ни в одной статье уголовного закона, в том числе в ст. 44, непосредственно определяющей виды наказаний. Однако при всей парадоксальности обозначенного подхода он, тем не менее, реализуется на практике. Так, Президиум Верховного Суда РФ по уголовному делу в отношении М. указал, что в связи с тем что по приговору М. не был осужден к реальному лишению свободы, данная судимость не может учитываться при установлении в его действиях опасного и особо опасного рецидива, в связи с чем соответствующий факт исключен из судебных решений, вид исправительного учреждения изменен².

Некоторые исследователи высказывают сомнение в законности и обоснованности существования института рецидива [3, с. 23]. Основываясь на доводе сторонников указанной теории является ссылка на двойную ответственность за одно и то же деяние, недопустимую с точки зрения принципов справедливости и гуманизма. Однако Конституционный Суд РФ в своем постановлении указал, что ужесточение срока при рецидиве — это не повторное наказание за предыдущее преступление, это адекватная оценка общественной опасности как самого деяния, так и лица, его совершившего, и как раз равное наказание для лиц, представляющих различную степень опасности, противоречило бы конституционным принципам справедливости и гуманизма³.

¹ Определение № 5-02/03 по делу С. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 4.

² Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 30 марта 2005 г. № 16-п05. URL: www.vsrfr.ru.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 5.

Также существует мнение, что при назначении наказания за рецидив преступлений происходит двойной учет признаков, выражающих повышенную общественную опасность преступления и преступника [4, с. 19], однако данная позиция строится на узком подходе к понятию личности виновного, сводящемуся к понятию субъекта преступления, что в корне неверно, так как личность преступника гораздо более широкое и сложное понятие.

Также сторонники теории противоречия повышенной ответственности за рецидив преступлений принципам справедливости и гуманизма указывают, что частная превенция в данном случае отсутствует вообще, а общая превенция достигается неправомерными и несправедливыми средствами. Данное утверждение весьма спорно. Хотя следует признать, что, определив единый критерий для установления срока при любом виде рецидива, законодатель снизил практически до нулевой позиции аспект частно-превентивного воздействия именно на неоднократно судимых лиц, но это не означает, что нужно уравнивать наказание для лица, впервые совершившего преступление, и для лица, уже осуждавшегося ранее. Кроме того, нельзя умалять роль общей превенции как средства защиты интересов общества.

Следует отметить, что никто не усматривает неравенства, например, в особенностях уголовной ответственности несовершеннолетних, обусловленных личностными и психологическими характеристиками данной категории лиц, однако его усматривают в правилах назначения наказания за рецидив преступлений.

Анализ новых правил назначения наказания за рецидив преступлений также показывает необоснованную либеральность законодателя в отношении неоднократно судимых лиц. Мало того что с учетом положений статей Особенной части УК гарантированное законодателем усиление ответственности при рецидиве фактически отсутствует, что уже говорит о внутренних противоречиях положений УК РФ, но и в большинстве случаев, вопреки требованиям принципа справедливости, допускается назначение более сурового наказания менее общественно опасным лицам, что является нонсенсом. Аналогичное нарушение подтверждается и отсутствием дифференциации наказания в зависимости от вида рецидива. Последний в настоящее время

играет роль только при определении вида исправительного учреждения, хотя надо отметить, что и последнее во многих случаях нарушает требования принципов справедливости и гуманизма, допуская нахождение в одном исправительном учреждении лиц, характеризующихся различной степенью общественной опасности.

Простые арифметические подсчеты показывают, что «гарантированного» усиления наказания при наличии рецидива сейчас в большинстве случаев может не произойти, так как для этого необходимо, чтобы треть максимального срока наказания превышала его минимальный размер. Анализ статей Особенной части показал, что преступления с соответствующими санкциями в структуре преступности могут составить лишь доли процента и для рецидива нехарактерны. Более того, в целом получилась такая регламентация, когда законодатель будет либо «стрелять из пушки по воробьям» (при осуждении за преступления средней тяжести), либо «по орлам, но из рогатки» (при осуждении за тяжкие и особо тяжкие преступления) [5, с. 41]. Получается, что для лица, совершившего более тяжкое преступление, характеризующегося повышенной степенью общественной опасности, усиление наказания вовсе не гарантировано законом, чего нельзя сказать о лице, чье деяние и личность характеризуются меньшей степенью общественной опасности, хотя принцип справедливости призывает, чтобы наказание соответствовало характеру и степени общественной опасности преступления и личности виновного. В такой ситуации сложно говорить и о соблюдении принципа гуманизма, особенно в части гуманного отношения к потерпевшему и защиты гуманистических устоев общества. Получается, что степень общественной опасности и размер причиненного вреда обратно пропорциональны наказанию. Так, например, К., ранее судимому по ч. 1 ст. 105 и ч. 2 ст. 107 УК РФ (с применением УДО), вновь совершившему убийство на почве личной неприязни, было назначено наказание в виде восьми лет лишения свободы с отбыванием срока в исправительной колонии особого режима¹. В другом случае за совершение аналогичного преступного деяния, но в отсутствие рецидива, было назначено идентичное наказа-

ние². Встречаются и еще более неадекватные примеры. Так, Т., имея две судимости за тяжкое преступление с реальным лишением свободы, вновь совершил тяжкое преступление (пп. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ), за которое был осужден к трем годам лишения свободы³. В аналогичном случае лицу, не имеющему судимостей, было назначено наказание в виде четырех лет лишения свободы⁴.

Примечательно, что 52 % опрошенных считают недопустимым назначение одинакового наказания лицу, впервые совершившему преступление, и лицу, уже осуждавшемуся ранее; 35 % респондентов в данной ситуации исходят из характера (категории) совершенного преступления. Причем последнее мнение практически в равной степени отражалось студентами юридических вузов и сотрудниками правоохранительных органов. На противоречие действующего законодательного подхода основополагающим принципам указывают и многие практические работники [6, с. 59; 7, с. 27]. Также большинство опрошенных (68 %) отметили соответствие назначения более сурового наказания за рецидив преступлений принципам гуманизма и справедливости. Причем на это указало практически одинаковое количество студентов юридических вузов и сотрудников правоохранительных органов (25 и 24 % соответственно).

Таким образом, мнение отдельных исследователей о нарушении принципов гуманизма и справедливости при назначении наказания за рецидив преступлений является обоснованным в подавляющем большинстве случаев именно в отношении лиц, впервые совершивших преступление, характеризующихся меньшей степенью общественной опасности, а отнюдь не в отношении рецидивистов. Необходимо учитывать, что требования принципов гуманизма и справедливости не допускают назначение не только излишне сурового, но и необоснованно мягкого наказания, однако последнее все чаще встречается и, более того, в некой мере подкрепляется новой редакцией статей о рецидиве преступлений.

² Калининградский областной суд: офиц. сайт. URL: oblsud.kln.sudrf.ru.

³ Асбестовский городской суд Свердловской области: офиц. сайт. URL: asbestovsky.svd.sudrf.ru.

⁴ Прокуратура Цильнинского района: офиц. сайт. URL: procuratura.ucoz.ru.

¹ Муромцевский районный суд Омской области: офиц. сайт. URL: muromzevocourt.oms.sudrf.ru.

Проведенное исследование, таким образом, показывает необходимость усовершенствования существующего законодательства в области регламентации ответственности за рецидив преступлений.

Не все назначаемые судами наказания соответствуют опасности преступления и лица, его совершившего [8, с. 22], причем это далеко не всегда означает их излишнюю суровость. Действительно, «чем больше судимостей, тем меньше страха перед наказанием» [9, с. 15; 10, р. 387], однако это вовсе не означает, что ужесточение наказания при рецидиве противоречит принципам гуманизма и справедливости, превентивной цели наказания, так как каждое правило допускает исключение, каждое лицо, с учетом своих особенностей, воспринимает меру наказания по-разному. Поэтому огромное исправительное и воспитательное значение имеет индивидуализация наказания. Данный факт подтверждается также результатами проведенного анкетирования (47 % опрошенных придерживаются такого мнения). Однако необходимо учитывать, что индивидуализация наказания может быть по-настоящему действенной и эффективной, только если она осуществляется на основе принципа дифференциации ответственности, который, в свою очередь, выступает основой реализации принципа справедливости. Также следует отметить, что 23 % респондентов при ответе на поставленный вопрос указали на максимальное ужесточение наказания и еще 22 % — на применение только реального лишения свободы. Последнее мнение принадлежит в основном сотрудникам правоохранительной системы (11 %).

Дифференциация наказания на уголовно-правовом уровне достигается определением санкций, установлением правил назначения наказания, наличием институтов условного осуждения, условно-досрочного освобождения и др.

На уголовно-исполнительном уровне эта задача решается путем установления возможности распределения осужденных по видам исправительных учреждений, определения института изменения условий отбывания наказания, институтов поощрения и взыскания и т.п.

На основе установленных дифференциалов происходит индивидуализация наказания, представляющая собой «принцип, заключающийся в учете характера и степени обществен-

ной опасности совершенного преступления, личности виновного, отягчающих и смягчающих обстоятельств, который позволяет посредством наказания, сочетающего в себе цели кары и воспитания, добиться, в конечном счете, исправления преступника, а также предупредить совершение новых преступлений» [11, с. 10]. Понятие принципа индивидуализации наказания всегда связывается с деятельностью суда, предполагающей переход от общих положений и критериев, установленных законом, к частной ситуации. Таким образом, единство и взаимодополнение указанных принципов очень важны для реализации требований принципа справедливости наказания, однако в новой редакции статьи о правилах назначения наказания за рецидив преступлений законодатель отказался от его дифференциации, предоставив чрезмерно широкие полномочия при избрании меры наказания суду, сделав, таким образом, процесс наказания излишне субъективизированным, что, в свою очередь, вряд ли способствует реализации принципов гуманизма и справедливости. Так, судьи в существенной мере подвержены влиянию так называемых гало-эффектов, когда одна положительная черта (например, внешность) какого-либо человека бросается в глаза и как бы отбрасывает на задний план все его другие качества [12, с. 30].

Кроме того, трудно согласиться и с недифференцированным подходом к определению минимального срока наказания независимо от вида рецидива, который нарушает принцип индивидуализации наказания и фактически приводит к тому, что суд, назначая наказание лицу при рецидиве преступлений и лицу, в деянии которого отсутствуют признаки рецидива, принимает решение в единых пределах. Нельзя умалять значение индивидуализированного воздействия на виновного, однако оно осуществляется, как правило, на основе дифференциации ответственности. Если законодатель хотел смягчить правила назначения наказания за рецидив, он мог бы, например, изменить размер долей, не отказываясь при этом от дифференциации наказания в зависимости от вида рецидива.

Таким образом, последовательному воплощению в жизнь рассматриваемых принципов во многом способствовало бы возвращение принципа дифференциации в правила назначения наказания за рецидив преступлений. Также

противоречит принципу справедливости определяющее значение смягчающих обстоятельств, указанных и не указанных в ст. 61 УК РФ, хотя самой статьей такой подход не предусмотрен. В подобной ситуации допускается назначение различного наказания за тождественные деяния одинаково характеризующимся лицам. С другой стороны, ч. 3 ст. 68 УК РФ предоставляет широкие возможности для преодоления предписаний ее 2-й части, что вообще ставит под сомнение целесообразность существования всей статьи.

Относительно принципов справедливости и гуманизма при определении вида исправительного учреждения следует сказать, что недопустимо их воплощение в отношении одних лиц путем нарушения в отношении других, а именно такая ситуация возникает, когда неоднократно судимые лица в виде поощрения за хорошее поведение переводятся в колонии, где содержатся лица, впервые судимые за преступления небольшой тяжести, и т.д. Ведь, несмотря на последовательные положительные изменения, рецидивист и лицо, впервые совершившее преступление, характеризуются по-разному, прежде всего как личности, а уже затем как «субъекты преступления», и потому их нахождение в одном исправительном учреждении нецелесообразно. Однако данное несовершенство системы исправительных учреждений трудноустранимо по экономическим соображениям. В некоторых случаях рассматриваемые принципы нарушаются и в пределах категории неоднократно судимых лиц, когда фактически не учитываются данные о личности и о характере совершенного преступления, и абсолютно разные по своей сути лица, единственным сходством которых является неоднократное совершение преступных деяний, вынуждены отбывать наказание в одном исправительном учреждении. Данный недостаток можно устранить посредством расширения классификационных критериев характеристик личности. Целесообразность последнего предложения подчеркивается многими исследователями [13, с. 71; 14, с. 213; 15, р. 421].

Также следует отметить необходимость создания на базе исправительных учреждений специальной службы, занимающейся оказанием помощи (психологической, в трудоустройстве) отбывающим (отбывшим) наказание лицам, в том числе и ранее судимым. Об этом как об обоснованной мере исправительного воздействия на

осужденных и борьбы с рецидивной преступностью высказывались респонденты в ходе анкетирования, такое же мнение существует и в научной литературе [16, с. 63; 17, р. 439; 18, р. 107]. Специалистами неоднократно поднимался вопрос о необходимости психологической работы с осужденными. Ведь нередко причины многократной преступной деятельности кроются именно в психике осужденного, и правильное воздействие на нее способно привести к огромному ресоциализирующему эффекту, что, несомненно, отвечает требованиям гуманного отношения и в целом направлено на обеспечение целей и задач уголовной политики в области борьбы с рецидивной преступностью. Однако вряд ли можно говорить об индивидуализации воздействия, если на одного психолога в колонии приходится несколько сотен человек. Например, в Швейцарии в тюрьмах в среднем на двух заключенных приходится по одному сотруднику, а в ряде тюрем, где требуется усиленный надзор за заключенными, это соотношение составляет 1 : 1. Данная ситуация не только позволяет осуществлять индивидуализированное воздействие на осужденного, но также способствует осознанию им своего человеческого достоинства, что вряд ли присутствует в исправительных учреждениях России; нельзя сказать, что сложившаяся ситуация противоречит принципам гуманизма и справедливости, однако в целом она вряд ли способствует цели исправления и ресоциализации осужденных.

Кроме того, некоторыми учеными высказывается мнение об отказе от колонийной системы исполнения наказания в виде лишения свободы и замены ее тюрьмами или исправительными учреждениями тюремного типа [19, с. 72; 20, р. 435]. Однако такой вариант для РФ в настоящее время неприемлем по экономическим соображениям, хотя сама идея заслуживает внимания. Во-первых, в данном случае не будет ситуации совместного отбывания наказания лицами, характеризующимися разной степенью общественной опасности; во-вторых, в условиях изоляции более продуктивным будет комплекс мер исправительного, психологического, трудового воздействия на заключенных, кроме того, таким образом будет обеспечиваться индивидуализация исполнения наказания, индивидуальный подход к личности, что поможет осознанию последней своей ценности. Указанные обстоятельства в конечном итоге поспособствуют ре-

ализации принципов гуманизма и справедливости не только при назначении наказания, но и при его исполнении. Подобная изоляция применялась некоторое время назад в Югославии в отношении рецидивистов [21, с. 121].

Большое значение имеют меры, направленные на ресоциализацию осужденного, позволяющие ему вновь стать полноценным членом общества, осознать достоинство своей личности и в целом способствующие реализации требований гуманизма после отбытия наказания. Значительное внимание таким мерам уделяется, например, в Венгрии [22, с. 105]. Наиболее низкий уровень рецидивной преступности (12 %) наблюдается на сегодняшний день в Японии [23, с. 66; 24], где также много внимания уделяется ресоциализации осужденных, кроме того, присутствует достаточно либеральное наказание за первичное преступление в соотношении с его ужесточением за рецидив. В связи со сказанным показательны результаты проведенного анкетирования. Так, в качестве основных мер воздействия для целей последующей реабилитации осужденного респонденты указывали максимальную индивидуализацию наказания и применение индивидуализированных мер с учетом особенностей личности виновного (54 %). При этом на втором месте — максимальное ужесточение наказания за рецидив и помощь с трудоустройством после освобождения (23 и 27 % соответственно). На третьем месте — применение только реального лишения свободы и создание специализированных учреждений для оказания психологической помощи (22 и 21 %). Следует отметить, что материальную помощь в качестве реабилитационной меры указали только 2 % опрошенных (студенты юридических вузов), что вполне обоснованно, так как денежная помощь в рассматриваемой ситуации может не помочь, а только усугубить процесс исправления личности, оказать на нее

антивоспитательное воздействие. Вместо того чтобы вновь стать законопослушным членом общества, такое лицо в указанных обстоятельствах скорее станет паразитирующим на нем элементом. Примечательно, что в выборе мер исправления совпали мнения сотрудников правоохранительных органов и обычных граждан, а в определении ресоциализирующих мер единодушны были студенты юридических вузов и практические работники.

Указанные меры направлены на борьбу с рецидивной преступностью, на исправление преступника и в целом, возможно, в гораздо большей степени способствуют воплощению в жизнь требований гуманизма и справедливости в данном аспекте, чем даже при максимальном их учете при назначении наказания. Однако необходимо учитывать российское законодательство, менталитет и экономические возможности, а потому — использовать возможные и доступные средства реализации принципов гуманизма и справедливости при назначении наказания за рецидив преступлений, а именно: устранить существующие несовершенства законодательных формулировок и определений, о которых говорилось выше, не умалять значение принципа дифференциации наказания в рассматриваемом аспекте, совершенствовать существующую систему исполнения наказания, разрабатывать возможные на данном этапе развития нашего общества меры ресоциализации осужденных и, самое главное, не допускать одностороннего восприятия рассматриваемых принципов: гуманизма — только в отношении преступника, справедливости — только в отношении недопущения более строгого наказания. Ведь только правильное понимание сути законодательных принципов, их рассмотрение и применение в единстве и взаимодействии будут способствовать их действенной реализации, воплощению в жизнь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением / И.Я. Фойницкий. — СПб. : Тип. М-ва путей сообщ. (А. Бенке), 1889. — 514 р.
2. Рагимов И.М. Философия наказания и проблемы его назначения / И.М. Рагимов. — Баку : Дипломат, 1998. — 126 с.
3. Волженкин Б. Принцип справедливости и проблемы множественности преступлений по УК РФ / Б. Волженкин // Законность. — 1998. — № 12. — С. 2–7.
4. Ставцева И.Г. Институт рецидива преступлений в аспекте принципов справедливости и юридического равенства граждан / И.Г. Ставцева // Российская юстиция. — 2005. — № 9. — С. 19–23.
5. Питецкий В. Назначение наказания при рецидиве преступлений / В. Питецкий // Законность. — 2004. — № 9. — С. 40–42.

6. Огородникова Н. Актуальные проблемы назначения наказания при множественности преступлений / Н. Огородникова, Е. Борисенко // Уголовное право. — 2004. — № 3. — С. 56–61.
7. Самылина И.Н. Назначение наказания при рецидиве преступлений / И.Н. Самылина // Российский судья. — 2004. — № 12. — С. 27–30.
8. Алексеев А.А. Психологические аспекты назначения уголовного наказания / А.А. Алексеев // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 1998. — № 1. — С. 22–24.
9. Абельцев С.Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия / С.Н. Абельцев. — М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2000. — 207 с.
10. Tseloni A. Fear of Crime and Victimization: A Multivariate Multilevel Analysis of Competing Measurements / A. Tseloni, C. Zarafonitou // European Journal of Criminology. — 2008. — Vol. 5, № 4. — P. 387–409.
11. Карпец И.И. Индивидуализация наказания в советском уголовном праве / И.И. Карпец. — М. : Госюриздат, 1961. — 152 с.
12. Кондратюк Л.В. Антропология преступления / Л.В. Кондратюк. — М. : Норма, 2001. — 344 с.
13. Миняева Т.Ф. Уголовно-правовая охрана личности осужденных к лишению свободы и их оптимизация / Т.Ф. Миняева // Уголовно-правовая охрана личности и ее оптимизация / под ред. Б.Т. Разгильдиева. — Саратов : Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. — С. 70–73.
14. Шайхисламова О.Р. Реализация задач уголовного законодательства при назначении осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения / О.Р. Шайхисламова // Эффективность уголовного законодательства Российской Федерации и обеспечение задач, стоящих перед ним : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 25–26 марта 2004 г. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. — Саратов : Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2004. — 251 с.
15. Kury H. Prisoner-on-prisoner violence: Victimization of young offenders in prison. Some German findings / H. Kury, U. Smartt // Criminology and Criminal Justice. — 2002. — Vol. 2, № 4. — P. 411–437.
16. Менберг Г.Г. Миграция рецидивистов / Г.Г. Менберг // Актуальные проблемы борьбы с рецидивной преступностью / отв. ред. Э.Я. Стумбина. — Рига : Зинатне, 1989. — 175 с.
17. Genders E. Rehabilitation, risk management and prisoners' rights / E. Genders, E. Player // Criminology and Criminal Justice. — 2014. — Vol. 14, № 4. — P. 434–457.
18. Rowbotham J. Turning away from criminal intent: Reflecting on Victorian and Edwardian strategies for promoting desistance amongst petty offenders / J. Rowbotham // Theoretical Criminology. — 2009. — Vol. 13, № 1. — P. 105–128. — DOI : 10.1177/1362480608100175.
19. Файзутдинов Р.М. Лишение свободы: социальное назначение, функции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Р.М. Файзутдинов. — Казань, 2002. — 206 с.
20. Cavadino M. Penal policy and political economy / M. Cavadino, J. Dignan // Criminology and Criminal Justice. — 2006. — Vol. 6, № 4. — P. 435–456.
21. Бадь Л.И. О рецидиве и постпенитенциарии в Югославии / Л.И. Бадь // Рецидивная преступность: правовые и социальные проблемы : сб. науч. тр. / редкол. : Г.Д. Агамов, Г.В. Дашков, А.С. Михлин, И.В. Шмаров. — М. : Изд-во НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1993. — С. 111–125.
22. Артамонова М.А. Криминологические проблемы борьбы с рецидивной преступностью в Венгрии / М.А. Артамонова // Рецидивная преступность: правовые и социальные проблемы : сб. науч. тр. / редкол. : Г.Д. Агамов, Г.В. Дашков, А.С. Михлин, И.В. Шмаров. — М. : Изд-во НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1993. — С. 98–110.
23. Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии / Н.А. Морозов. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. — 215 с.
24. Castberg D.A. Japanese Criminal Justice / Didrick A. Castberg. — N.Y. : Praeger, 1990. — 176 p.

REFERENCES

1. Foynitskiy I.Ya. *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem* [The Doctrine of Punishment in Connection with the Study on Prison]. Saint Petersburg, Ministerstvo putey soobshheniy (A. Benke) Publ., 1889. 514 p.
2. Ragimov I.M. *Filosofiya nakazaniya i problemy ego naznacheniya* [The philosophy of punishment and the issues of awarding it]. Baku, Diplomat Publ., 1998. 126 p.
3. Volzhenkin B. The principle of justice and the issues of multiple offenses in the Criminal Code of the Russian Federation. *Zakonnost' = Legality*, 1998, no. 12, pp. 2–7. (In Russian).
4. Stavtseva I.G. The institute of repeat offenses from the standpoint of the principles of justice and legal equality of citizens. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2005, no. 9, pp. 19–23. (In Russian).
5. Pitetskii V. Awarding punishment for repeat offenses. *Zakonnost' = Legality*, 2004, no. 9, pp. 40–42. (In Russian).
6. Ogorodnikova N., Borisenko E. Topical issues of awarding punishment for repeat offenses. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2004, no. 3, pp. 56–61. (In Russian).
7. Samylina I.N. Awarding punishment for repeat offenses. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2004, no. 12, pp. 27–30. (In Russian).
8. Alekseev A.A. Psychological aspects of awarding criminal punishment. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogics in Law Enforcement Agencies*, 1998, no. 1, pp. 22–24. (In Russian).
9. Abel'tsev S.N. *Lichnost' prestupnika i problemy kriminal'nogo nasiliya* [Criminal personality and the issues of criminal violence]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., Zakon i pravo Publ., 2000. 207 p.
10. Tseloni A., Zarafonitou C. Fear of Crime and Victimization: A Multivariate Multilevel Analysis of Competing Measurements. *European Journal of Criminology*, 2008, vol. 5, no. 4, pp. 387–409.

11. Karpets I.I. *Individualizatsiya nakazaniya v sovetskom ugovnom prave* [Individualization of punishment in Soviet criminal law]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1961. 152 p.
12. Kondratyuk L.V. *Antropologiya prestupleniya* [The anthropology of crime]. Moscow, Norma Publ., 2001. 344 p.
13. Minyazeva T.F. Criminal law protection of the personality of those sentenced to incarceration and its optimization. In Razgil'diev B.T. (ed.). *Ugolovno-pravovaya okhrana lichnosti i ee optimizatsiya* [Criminal Law Protection of the Personality and its Optimization]. Saratov State Academy of Law Publ., 2003, pp. 70–73. (In Russian).
14. Shaikhislamova O.R. Reaching the goals of criminal legislation when choosing the type of penitentiary institution for a person sentenced to incarceration. In Razgil'diev B.T. (ed.). *Effektivnost' ugovnogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii i obespechenie zadach, stoyashchikh pered nim. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskaya konferentsii, 25–26 marta 2004 g.* [The Efficiency of the Criminal Legislation of the Russian Federation and the Solution of its Tasks. Materials of All-Russian Science and Practice Conference, 2004, March 25–26]. Saratov State Academy of Law Publ., 2004. 251 p. (In Russian).
15. Kury H., Smartt U. Prisoner-on-prisoner violence: Victimization of young offenders in prison. Some German findings. *Criminology and Criminal Justice*, 2002, vol. 2, no. 4, pp. 411–437.
16. Menberg G.G. The migration of repeat offenders. In Stumbina E.Ya. (ed.). *Aktual'nye problemy bor'by s retsidivnoi prestupnost'yu* [Topical Issues of Fighting Repeat Crimes]. Riga, Zinatne Publ., 1989. 175 p.
17. Genders E., Player E. Rehabilitation, risk management and prisoners' rights. *Criminology and Criminal Justice*, 2014, vol. 14, no. 4, pp. 434–457.
18. Rowbotham J. Turning away from criminal intent: Reflecting on Victorian and Edwardian strategies for promoting resistance amongst petty offenders. *Theoretical Criminology*, 2009, vol. 13, no. 1, pp. 105–128. DOI : 10.1177/1362480608100175.
19. Faizutdinov R.M. *Lishenie svobody: sotsial'noe naznachenie, funktsii. Cand. Diss.* [Incarceration: social meaning, functions. Cand. Diss.]. Kazan', 2002. 206 p.
20. Cavadino M., Dignan J. Penal policy and political economy. *Criminology and Criminal Justice*, 2006, vol. 6, no. 4, pp. 435–456.
21. Bad' L.I. On repeat crimes and post-penitentiary issues in Yugoslavia. In Agamov G.D., Dashkov G.V., Mikhlin A.S., Shmarov I.V. (eds). *Retsidivnaya prestupnost': pravovye i sotsial'nye problemy* [Repeat Crimes: Legal and Social Issues]. Moscow, Research Institute for Strengthening Law and Order Publ., 1993, pp. 111–125. (In Russian).
22. Artamonova M.A. Criminological issues of fighting repeat crimes in Hungary. In Agamov G.D., Dashkov G.V., Mikhlin A.S., Shmarov I.V. (eds). *Retsidivnaya prestupnost': pravovye i sotsial'nye problemy* [Repeat Crimes: Legal and Social Issues]. Moscow, Research Institute for Strengthening Law and Order Publ., 1993, pp. 98–110. (In Russian).
23. Morozov N.A. *Prestupnost' i bor'ba s nei v Yaponii* [Criminality and Fighting it in Japan]. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2003. 215 p.
24. Castberg A. Didrick. *Japanese Criminal Justice*. New York, Praeger, 1990. 176 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дядюн Кристина Владимировна — доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Владивостокского филиала Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, г. Владивосток, Российская Федерация; e-mail: Kristina.dyadyun@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dyadyun, Kristina V. — Ph.D. in Law, Ass. Professor, Chair of Criminal Law, Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy, Vladivostok, the Russian Federation; e-mail: Kristina.dyadyun@yandex.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дядюн К.В. Принципы гуманизма и справедливости в свете назначения наказания за рецидив преступлений / К.В. Дядюн // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9, № 4. — С. 724–733. — DOI : 10.17150/1996-7756.2015.9(4).724-733.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Dyadyun K.V. Principles of humanism and justice in the appointment of punishment for repeat offenses. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2015, vol. 9, no. 4, pp. 724–733. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(4).724-733. (In Russian).